

Александр Семенович Архангельский

Театр до-петровской Руси

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
А46

А46 **Александр Семенович Архангельский**
Театр до-петровской Руси / Александр Семенович Архангельский – М.:
Книга по Требованию, 2021. – 44 с.

ISBN 978-5-458-15124-5

Публичная лекция А. Архангельского - историка русской литературы и театра, профессора Казанского университета. Лекция, посвященная начальной судьбе старинного русского театра.

ISBN 978-5-458-15124-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Въ древнерусскихъ народныхъ играхъ, обрядахъ, празднествахъ, въ разнаго рода древнерусскихъ забавахъ и увеселеніяхъ—во всей этой „лести идольской“—лежали богатые зачатки безыскусственнаго народнаго театра. Мы можемъ судить объ этомъ даже по тѣмъ обломкамъ, которые уцѣлѣли отъ всего этого до нашего времени. Таковы, идущіе отъ миѳической старины современные обряды изгнанія зимы, встрѣчи весны, проводы лѣта¹⁾. Подобные обряды извѣстны и у другихъ народовъ и вездѣ они послужили первыми зародышами народнаго театра. Таковы же различныя народныя празднества, издавна совершавшіяся въ древней Руси и приуроченныя къ праздникамъ Рождества Христова, Крещенія, къ послѣднимъ днямъ масляницы, къ красной горкѣ, къ дню Ивана Купалы и т. д.²⁾ Доседашіе до насъ письменные памятники указываютъ, съ какимъ торжествомъ совершались эти празднества въ древней Руси³⁾.

Живое драматическое движеніе древнерусскихъ народныхъ игръ и увеселеній—до сихъ поръ сохранилось въ хороводныхъ играхъ и пѣсняхъ. Драматическій элементъ является здѣсь господствующимъ. Сливаясь съ пѣснью, современная хороводная игра служитъ для народа какъ бы небольшимъ драматическимъ представленіемъ. Вся семейная жизнь, отъ перваго знакомства жениха и невѣсты—проходить передъ нашими глазами въ живыхъ хороводныхъ сценахъ...

Вотъ, наприм., двѣ хороводныя сцены, изображающія параллель между равнымъ и неравнымъ браками. Дѣвушка входитъ въ хороводный кругъ и жалуется, что мать выдаетъ ее за мужъ за стараго:

Ой горе, горе! припѣваетъ дѣвушка:

Кручина великая!

Какъ то мнѣ, какъ то мнѣ—за стараго за мужъ итти,

Какъ то мнѣ, какъ то мнѣ—съ старикомъ мужемъ жить
будеть?...

Вотъ этакъ, вотъ этакъ

Съ старикомъ мужемъ жить будетъ—

¹⁾ См. о нихъ у *Аванасьева*: Поэтическія воззрѣнія славянъ на природу, III, 1869, стр. 689—747.

²⁾ См. *Аванасьева*, — ib, III, 659—776.

³⁾ Вотъ, напр., какъ одинъ русскій инокъ, въ 1505 году, описываетъ современное ему празднованіе народомъ дня Ивана Купалы въ Псковѣ: „Зѣло не престапа еще здѣ—нишетъ онъ изъ Пскова—лестъ

дѣвушка показываетъ будго дерется.

Какъ-то мнѣ, какъ-то мнѣ—продолжаетъ она:

Старику изголовье класть?..

Ой горе, горе,

Кручина великая!

Вотъ такъ-то мнѣ, вотъ такъ-то мнѣ, старому въ изго-
ловье класть—

бросаетъ въ сердцахъ скомканный платокъ на землю.

Какъ-то мнѣ, какъ-то мнѣ—продолжаетъ она—

Стараго пробуждать будетъ?

Ой горе, горе,

Кручина великая!

Вотъ такъ-то, вотъ такъ-то, его будить буду—
толкаетъ ногою, приговаривая:

Старый мужъ, проснись,

Старый песь, пробудись п т. д.

Вторая половина игры изображаетъ жизнь съ молодымъ: весь прежній ходъ игры снова повторяется, только все дѣлается, замѣчаетъ собиратель пѣсни,—„съ нѣжностью“¹⁾.

Любовь и семейная жизнь являются не единственнымъ содержаніемъ хороводныхъ игръ: въ нихъ иногда проглядываетъ попытка затронуть и другія стороны жизни. Такъ въ одной хороводной игрѣ на сцену выводится молодая черничка, которая томится въ монастырской кельѣ²⁾; въ другой ведется разговоръ барыни съ „холуемъ“, послѣдній сознается, что любить ея дочь³⁾; въ третьей на сцену выводится игумень: всѣ играющіе сначала постригаются у него, а потомъ требуютъ разстриженія⁴⁾; въ иныхъ—на сцену выступаютъ представители различныхъ сословій: дворянскаго, купческаго, или представительницы губерній: питерская умница, орлов-

---

идольская. Егда бо приходитъ велий празникъ день рожества Претечева, а тогда во святую ту ночь мало не весь градъ взмается и взбѣсится бубны и софли и гуденіемъ струннымъ и великими неподобными играми сотонискини, плесканіемъ и плясаніемъ.; вступитъ бо градъ сей и возгремятъ въ немъ людіе си беззаконіемъ и погибелю лютою.. Стучать бубны и гласъ софлий и гудуть струны, женамъ же и дѣвамъ плесканіе и плясаніе и главамъ ихъ покиваніе, устамъ ихъ неприязневъ клать и вопль, всесверненія пѣсни, бѣсовская угодіа совершахуся, и хребтомъ ихъ вхляніе и ногамъ ихъ скаканіе и топтаніе“... *Дополн. къ Акт. Ист.*, I, № 22.

¹⁾ *Шейль*. Рус. народн. пѣсни, т. I, М. 1870, стр. 217—218.

²⁾ Пѣсни собранныя *Якушкинымъ*.—Отеч. Зап., 1860, XII, стр. 267—268.

³⁾ *Шейль*. Рус. нар. пѣсни, I, 175—180.

⁴⁾ *Шейль*,—ib, I, 381—382.

ская умница и т. д.¹⁾),—иногда выводятся даже историческія личности²⁾); нѣкоторыя игры, наконецъ, являются легкой шутиливой карриатурой на тѣ или другія общечеловѣческія, житейскія слабости. Къ послѣднему роду хороводныхъ игръ относится, напр., игра „Воробышекъ“. Играющіе составляютъ кругъ; одинъ изъ нихъ входитъ въ средину. Къ нему всѣ обращаются съ просьбой показать, какъ красны дѣвицы ходятъ:

Скажи, скажи, воробышекъ,
Какъ дѣвицы ходятъ?

— Онѣ этакъ и вотъ этакъ—

показываетъ мимикой находящійся въ кругу:

Сюды глядь, туды глядь—
Гдѣ молодцы сидятъ.

Воробышка просятъ показать какъ, какъ ходятъ добрые молодцы, старыя старушки, какъ ходятъ злые люди и т. д.; соотвѣтственно просьбѣ, Воробышекъ показываетъ, какъ добрые молодцы, куда бы они не шли, выглядываютъ по сторонамъ, нѣтъ ли гдѣ красныхъ дѣвицъ, какъ старушки смотрятъ, гдѣ молодые и т. п.³⁾).

Много драматическаго элемента заключалось и въ нѣкоторыхъ древнерусскихъ народныхъ обрядахъ,—сопровождавшихъ тотъ или другой особенно важный случай жизни. Въ этомъ отношеніи особенно интересны свадебныя обычаи. Отправление народной свадьбы и до сихъ поръ является какой-то сплошной „свадебной драмой;“ вполне понятно поэтому простонародное выраженіе „играть свадьбу:“ это дѣйствительно, игра, свадебное представленіе. Передъ нами—непрерывный рядъ драматическихъ сценъ. Вотъ напр., сцена пріѣзда жениха на дѣвишникъ къ невѣстѣ. Невѣсту окружаютъ ея подруги-дѣвушки, которыя поютъ ей прощальныя пѣсни и въ послѣдній разъ заплетаютъ ей ея дѣвичью косу. Поджидаютъ жениха; наконецъ, его поѣздъ подъѣзжаетъ къ невѣстиному двору. Жениховъ свать, дружка—человѣкъ ловкій, красивый и еще холостой—соскакиваетъ съ козелъ и начинаетъ бить въ ворота.—„Хозяинъ, отвори! кри-

¹⁾ Шейнъ, — ib, I, 155—156, 219—220.

²⁾ Шейнъ, — ib, I, 115—118.

³⁾ Сахаровъ. Сказанія рус. народа. I. 76.

титъ онъ: пусти ночевать! Мы перемерзли!“ Изъ избы выходитъ нѣсколько человѣкъ родни и спрашиваютъ прїѣзжихъ: „Да вы кто такіе?“—„Мы, отвѣчаетъ дружка и еще сильнѣе начинаетъ колотить въ ворота, мы—охотники: ѣздили ловить лисицъ, перепелицъ и красныхъ дѣвицъ, да вотъ и запоздали. Да къ томужъ намъ показалось, что сюда будто шаркнула лисичка, вотъ подь эти ворота, въ этотъ дворъ“.— Со двора имъ отвѣчаютъ: „Мы тутъ давно стоимъ, но никакъ лисички не видали; поищите лучше у сосѣдей“.—„Нѣтъ, говоритъ свать: зачѣмъ у сосѣдей? Мы хорошо видѣли, что сюда моргнула“.—„Ну, да пожалуй мы пустимъ васъ ночевать: не будетъ ли отъ васъ что нибудь за это“?..—„Я, говоритъ дружка, за цѣной не постою, лишь бы отыскать краснаго звѣрка; будетъ при этомъ и выпивка и закуска“.— Ворота прїотворяются, но еще не совсѣмъ: со двора высывается нѣсколько человѣкъ и требуетъ сначала общанной платы. Дружка вынимаетъ изъ кармана полшубка бутылку съ виномъ, изъ другого—стаканъ, и начинается угощеніе. Вслѣдъ за угощеніемъ, ворота отворяются настежь и поѣздъ жениха въѣзжаетъ во дворъ. Прїѣзжіе пока остаются съ женихомъ на дворѣ, а дружка идетъ въ избу—осмагривать помѣщеніе для князя-жениха. Войдя въ избу и видя здѣсь толпу дѣвушекъ, собравшихся на дѣвишникъ, дружка, у котораго въ рукѣ кнутъ, бьетъ по столу и начинаетъ кричать: „Это что за народъ? Пѣшли вонъ изъ-за стола!.. Да гдѣ же хозяинъ“?.. Хозяинъ, отецъ невѣсты, выступаетъ и спрашиваетъ дружку: „Для чего я тебѣ, голубчикъ, нуженъ“?— Дружка: „Какъ для чего?. Пустилъ насъ ночевать, говорилъ, что будетъ просторно и покойно,—а у тебя полонъ домъ народу“?—Отецъ невѣсты: „Кто обѣщалъ тебѣ просторъ и покой, съ того и взыскивай, я тебѣ о томъ ничего не говорилъ... Да что объ этомъ толковать! Попроси-ка лучше вотъ ихъ (указываетъ на дѣвушекъ): онѣ тоже народъ заѣзжій,—можеть, и уступать вамъ свои мѣста, и тогда вамъ будетъ и просторно и спокойно!..—„А что—какъ бы про себя думаетъ дружка—и впрямь не лучше ли обойтись съ ними по ласковѣе и поторговаться.. „Красныя дѣвицы, перепелицы, сладкія пѣвицы! обращается онъ къ нимъ: уступите намъ свои мѣста; мы народъ заѣзжій, перезябли и нуждаемся въ покоѣ“..—„Пожалуй, отвѣчаютъ дѣвушки: только что же намъ за это будетъ“?—„За цѣной, говоритъ дружка, не постою, и кромѣ того будетъ выпивка и закуска“.. Дружка угощаетъ

дѣвушекъ и тѣ уступаютъ свое мѣсто жениху, котораго вмѣстѣ съ другими поѣзжанами наконецъ зовутъ въ избу¹⁾...

Различные игры и обряды составляли исконную принадлежность древнерусскихъ свадебъ. Въ XI—XII вв. эти обряды замѣняютъ для народа даже церковное вѣнчанье. Въ „Правилѣ“ митр. Іованна (1080—1089) замѣчается, что простой народъ избѣгаетъ вѣнчанья, считаетъ его необходимымъ только для князей и бояръ; простые же люди, читаемъ въ „Правилѣ“, „понмають жены своя съ плясаніемъ, гуденіемъ и плесканіемъ²⁾“. Жалобы на „игры бѣсовскія“ на свадьбахъ, — „съ бубны, съ сопельми, со многими чудесы“ — встрѣчаемъ нерѣдко и въ русскихъ поученіяхъ XIV—XV в.³⁾ На то же самое жалуются въ половинѣ XVI столѣтія и отцы Стоглаваго собора: „въ мірскихъ свадьбахъ, читаемъ въ запискахъ собора, играютъ глумотворцы и органники и смѣхотворцы и гусельники и бѣсовскія пѣсни поютъ; и какъ въ церковь вѣнчаться поѣдутъ, священникъ со крестомъ ѣдетъ, а передъ нимъ со всеми тѣми играми бѣсовскими рыщутъ“..; отцы собора постановляютъ: „къ вѣнчанью бы, ко св. божіимъ церквамъ—скомрахомъ и глумцамъ предъ свадьбою не ходити⁴⁾“..

Къ народнымъ обрядамъ, играмъ, празднествамъ древней Руси очень нерѣдко присоединялся чисто драматическій элементъ переряживанія, — надѣваніе масокъ, личинъ, харь и т. п. Древнерусскіе книжники переряживаніе называли „масколудствомъ“ (отъ сл: маска—личина, харя, и ludus игра) и слово это встрѣчается уже въ самыхъ древнихъ нашихъ памятникахъ. Уже Лука Злудята, въ половинѣ XI вѣка, убѣждаетъ своихъ пасомыхъ: „масколудство вамъ, братіе, не лѣпо имѣти⁵⁾“.. Церковныя правила нападаютъ на обычай народа надѣвать на себя „комическая и сатирическая и козля лица⁶⁾“, также запрещаютъ „мужамъ облачатися въ жен-

¹⁾ Шейнъ: Рус. нар. пѣсни, I, 416—417. См. также ib, стр. 411—561 (свадебныя пѣсни и обряды разныхъ губерній). Ср. *Веселовскій: Старин. театр.*, 295—296.

²⁾ *Рус. Историч. Вибл.*, VI, col. 18.

³⁾ *Пам. XII в.*, стр. 94—95 (слово Кирилла Тур.); *Льтописи Рус. Лит. и древ.*, проф. Тихомирова, т. IV, отд. III, стр. 89—90.

⁴⁾ *Стоглавъ*, гл. 41, вопр. 16.

⁵⁾ *Буслаевъ. Ист. христ.* стр. 893.

⁶⁾ *Веселовскій. Стар. театр.*, стр. 298.

скую одежду, а женамъ въ мужскую и въ наличники¹⁾“. Обычай переряживаній, пріурочиваясь къ извѣстнымъ праздникамъ—къ святкамъ, къ масляницѣ—былъ глубоко вкорененъ въ народѣ. На масляничныхъ увеселеніяхъ надѣвались личины самъ Иванъ Васильевичъ грозный²⁾). Древнерусское переряживаніе было тѣсно соединено съ древнерусскимъ „окрутничествомъ“, „скоморошествомъ“, съ шутовскими святочными играми „халдеевъ“ и т. д. Округники и халдеи, во время святокъ и на масляницѣ бѣгали въ городахъ по улицамъ, съ зажженными лучинами, которыми палили встрѣчнымъ борода и продѣлывали другія шутовскія затѣи,—давая так. образ. уличной толпѣ даровыя импровизированныя представленія. Привязанность народа къ этимъ увеселителямъ была настолько сильная, что сама церковная власть должна была терпѣть ихъ. По свидѣтельству бывшаго въ 30-хъ гг. XVII вѣка въ Россіи, Олеарія, — такъ называемые халдеи получали ежегодно, передъ святками или масляницей, позволеніе отъ патріарха производить свои шутовскія представленія. Халдеи одѣвались совершенно, какъ нѣмецкіе актеры мясопустныхъ игръ, въ деревянныя расписныя шапки, и назывались халдеями потому, что представляли рабовъ Новуходносора, которые разводили въ печи огонь для наказанія трехъ отроковъ³⁾). О древнерусскихъ „халдеяхъ“ въ первый разъ упоминается въ приходо-расходной книгѣ новгородск. архіепископскаго дома подъ 1548 г. . . .⁴⁾). Не смотря на строгіе запреты, переряживаніе было весьма сильно распространено у насъ вплоть до конца XVII вѣка. Въ 1648 году царская окружная грамота требуетъ отъ православныхъ, чтобы они „никакихъ бѣсовскихъ дивъ не творили и скоморошья платья и личинъ на себя не накладывали“⁵⁾). Въ 1684 году, патріархъ въ особой грамотѣ, жалуется, что въ рождественскій и крещенскій сочельники и во все продолженіе святокъ, по улицамъ Москвы „ходятъ толпы народа, старые и молодые, мужчины и женщины, съ бѣсовскими пѣснями,

¹⁾ *Снегиревъ*. Рус. прост. праздники, I, стр. 24.

²⁾ *Снегиревъ*. Рус. прост. праздн., I, 25.

³⁾ *Тихомировъ*. Начало рус. театра. Лѣтоп. Рус. лит. и др. кн. V, отд. II, стр. 12.

⁴⁾ *Куртіяновъ*. Огрызки изъ расходныхъ книгъ Софійскаго дома за 1548 годъ. Извѣстія Импер. Археолог. Общества, III, Сиб. 1861, стр. 31.

⁵⁾ *Афанасьевъ*. Поэтич. воззрѣнія, I, 344.

съ крикомъ плясанія творять, преобращающесе въ неподобныя отъ Бога созданія, образъ человеческій премѣняяще, бѣсовское и кумирское личать, косматые и иными бѣсовскими ухищренными содѣянныи образы надѣвающе¹⁾.

Постоянными, непремѣнными участниками древнерусскихъ народныхъ увеселеній были *скорохи* ²⁾). Происхождение слова не поддается научному объясненію; но самое явленіе было необыкновенно древнимъ. Въ нашихъ письменныхъ памятникахъ скорохи упоминаются уже съ самыхъ первыхъ временъ. Несторъ жалуется на своихъ современниковъ, что они живутъ „поганьскы“, позволяютъ дьяволу соблазнять ихъ „всяческими лестми—трубами, скорохы, гуслями и русалии“; онъ указываетъ на „игрища утолчена“ и „людій множество“, привлекаемыхъ подобными соблазнами ³⁾). О скорохахъ, въ ряду другихъ древнерусскихъ увеселеній, упоминаетъ и *Феодосій Печерскій* ⁴⁾). Вообще скорохество было весьма обычнымъ и распространеннымъ явленіемъ древней Руси. Отцы *Стоглаваго собора*, въ половинѣ XVI вѣка, жалуется, что скорохи ходятъ по деревьямъ „ватагами многими—дошестидесяти и до семидесяти и до ста человекъ⁵⁾“. Конечно, постоянныя преслѣдованія ⁶⁾) не могли не производить своего дѣйствія; но по многимъ городамъ и мѣстамъ древней Россіи скорохи и въ XVII вѣкѣ продолжали увеселять уличную публику. Изъ патріаршей грамоты 1636 года мы напр. узнаемъ, что по праздникамъ въ Москвѣ великія безчинства творятся: вмѣсто духовнаго торжества и веселія, жители предаются играмъ и коцунамъ бѣсовскимъ, сзываютъ по улицамъ медвѣдчиковъ (вожаковъ медвѣдей) и скороховъ, приказываютъ имъ на торжищахъ и распутіяхъ сатанинскія игры тво-

¹⁾ *Снегиревъ*. Рус. пр. праздн., I, 37—38.

²⁾ Новыя свѣдѣнія о нихъ сообщаетъ *Акад. Весселовскій*: Разысканія въ области русск. духов. стиха. VII, Спб. 1883. Стр. 128—222.

³⁾ Полн. Собр. Рус. Лѣт., I, 74.

⁴⁾ Учен. Зап. II отд. Ак. Наук., 1856, т. II, кн. 2, стр. 195.

⁵⁾ Стоглавъ, гл. 41 вон. 19.

⁶⁾ Такъ напр. грамота Троицко-Сергіева монастыря. отъ 1555 года предписываетъ, чтобы монастырскіе крестьяне въ волостяхъ скороховъ не держали; „а у котораго сотскаго въ его сотной выймутъ скороха или волхва или бабу-ворожею, и на томъ сотскомъ и на его сотной на стѣ человекъ взяти пени десять рублевъ денегъ, а скороха или волхва или бабу-ворожею, бивъ да ограбивъ, выбити изъ волости вонъ; а прохожихъ скороховъ въ волость не пушать“... *Акт. Арх. Эксп.* I. 244. *Добининъ*: Песн. возвр., I, 313.

рити и въ бубны бити и въ сурны ревѣти и руками плескати и плясати и иная неподобная дѣяти“... 1). Тѣ же увеселенія вызываютъ запрещеніе въ 1657 году въ Ростовѣ: особою грамотою ростовскій митрополитъ требуетъ, чтобы „скомороховъ и медвѣжьихъ поводчиковъ нигдѣ не было“... 2).

Намъ очень мало извѣстно, въ чемъ собственно состояла эта скоморошья потѣха, которая такъ нравилась нашимъ предкамъ. Допедашія до насъ извѣстія чрезвычайно скудны и даютъ лишь общія, отрывочныя свѣдѣнія объ этомъ явленіи древнерусской общественной жизни. По народному представленію, скоморохи, по преимуществу, люди ловкіе, смѣтливые, веселые; былины не иначе называютъ ихъ, какъ „людьми вѣжливыми, почестливыми“,—знающими, какъ съ кѣмъ обойтись, какъ кого уважить; скоморохи не иначе упоминаются въ былинахъ, какъ „веселые“ скоморохи. На всякихъ празднествахъ, играхъ—это самые пріятные гости и непремѣнные участники. Безъ нихъ не обходились ни свадьбы, ни поминки. На свадьбахъ, какъ мы видѣли изъ свидѣтельства отцовъ Стоглаваго собора,—скоморохи, съ цѣлою толпою другихъ увеселителей, шли во главѣ свадебнаго поѣзда, впереди священника съ крестомъ: „священникъ со крестомъ ѣдетъ а передъ нимъ со всѣми тѣми играми бѣсовскими рыщутъ“... На пирахъ скоморохамъ, за ихъ игру за веселую, предлагалось самое почетное мѣсто; Владиміръ князь Красно-Солнышко не знаетъ, гдѣ посадить скомороха Добрыню Никитича,—такъ распотѣшилъ онъ всѣхъ на пирѣ своею игрою 3). Скоморошьями играми заканчивались и древнерусскіе народные поминки: „въ Троицыну субботу—читаемъ въ запискахъ того же Стоглаваго собора—по селамъ и по погостамъ сходятся мужи и жены на кладбищахъ и плачутъ на могилахъ съ великимъ воплемъ; когда же начнутъ играть скоморохи, гудники и перегудники, тогда, переставъ плакать, начинаютъ скакать и плясать и битъ въ ладоши и пѣть сатанинскія пѣсни на тѣхъ же кладбищахъ“ 4).

Скоморошья увеселенія главн. обр. состояли въ пѣсняхъ, игрѣ на гуселькахъ, въ различныхъ шуткахъ, приказ-

1) *Акт. Арх. 9.*, III, 264.

2) *Афанасьевъ*. Поэтич. возрѣвія, I, 344.

3) *Пѣсни собран. П. В. Киртеевскимъ*, вып. II, М. 1875, стр. 37.

4) *Стоглавъ*, гл. 41, вопр. 23. *Проевс. Макарій*: Истор. Рус. Церкви. VIII, 342—343.

какъ и импровизаціяхъ. Судя по неяснымъ намекамъ памятниковъ, древнерусскіе скоморошья шутки и фарсы вообще не отличались скромностью. Древній русскій книжникъ, желая выразить особенное „безстудіе“ чего-либо, не находилъ лучшаго сравненія, какъ указать на скомороховъ¹⁾. По каноническимъ правиламъ, скоморохи, наряду съ чародѣями, отлучались отъ церкви²⁾. Циническій характеръ скоморошьяхъ фарсовъ сохранился и въ народѣ пословицу: „Богъ далъ попа, а чортъ скомороха“. Но цинизмъ, если и былъ преобладающимъ элементомъ скоморошьяхъ забавъ,—все же не составлялъ, кажется, для нихъ единственнаго содержанія. Въ кругу народныхъ былинъ есть одна довольно интересная для нашего вопроса; это—былина о гостѣ Терентьищѣ. Гость Терентьище идетъ искать лѣкарей для изцѣленія своей жены отъ какой-то странной, непонятной для него болѣзни. На дорогѣ ему попадаются „веселые скоморохи“. Они спрашиваютъ о его кручинѣ; Терентій рассказываетъ.

Веселые молодцы догадалися,
Другъ на друга оглянулись
А сами усмѣхнулись...

Они берутся за сто рублей вылѣчить его жену.

Повели его Терентьища,
По славному Нову-городу,
Завели его, Терентьища,
Во тотъ во темный рядъ,
А купили шелковый мѣхъ,
Дали два гроша мѣшокъ;
Пошли они во червленый рядъ
Да купили червленый вязъ;
Да дубину ременчатую,
Половина свинцу налиту:
Дали за нее десять алтынъ;
Посадили Терентьища
Во тотъ во шелковый мѣхъ,
Мѣхоноша за плеча взялъ...

Скоморохи, неся въ мѣшкѣ Терентья, приходятъ въ его домъ и сообщаютъ женѣ о смерти мужа; вдовушка съ радостью принимаетъ это извѣстіе, ея хворь мгновенно проходитъ

¹⁾ *Афанасевъ*. Поэт. возрѣвнн, I, 346. *Литоп. Переясл.*, стр. 3.

²⁾ *Афанасевъ*, ib, 1, 344.

и она проситъ скомороховъ пропѣть ей пѣсенку про стараго мужа Терентьица, — въ дому бы его въ вѣкъ не видать!“. Скоморохи начинаютъ играть въ гусельки и поютъ:

Слушай, шелковый мѣхъ,
Мѣхоноша за плечами!
Слушай, Терентій гость,
Что про тебя говорятъ?
Говорить молодая жена
Про стараго мужа Терентьица:
„Въ дому бы тебя въ вѣкъ не видать!“
Шевелись, шелковый мѣхъ,
Вставай-ка, Терентьице,
Лѣчьить молодую жену и т. д. ¹⁾.

Содержаніемъ скоморошьей игры является такимъ образомъ случайный фактъ семейной жизни; содержаніе еще весьма не сложно, но за то болѣе, чѣмъ реально... Во всякомъ случаѣ, въ рассказанной былинѣ нельзя не видѣть намека на иной, болѣе серьезный характеръ древнерусскихъ скоморошьихъ шутокъ и импровизаций, — помимо цинизма. Рассказанная былина, какъ случайный остатокъ другихъ подобныхъ, можетъ быть, не безъ основанія дать нѣкоторымъ нашимъ изслѣдователямъ поводъ предполагать, что древнерусскіе скоморохи, рядомъ съ беззаботнымъ весельемъ, шутовскими и циническими фарсами, иногда — „входили во внутренній бытъ народа, проникали въ семейную жизнь, и славясь своимъ остроуміемъ и находчивостью, не рѣдко становились посредниками въ рѣшеніи важныхъ семейныхъ вопросовъ“... ²⁾.

По своему общему характеру, древнерусское скоморошество было совершенно однороднымъ съ подобнымъ же явленіемъ на Западѣ. Къ концу VI вѣка въ Западной Европѣ быстро замираютъ послѣдніе отголоски римскаго классическаго театра. Одряхлѣвшая, пережившая самоё себя, римская сцена на самомъ рубежѣ среднихъ вѣковъ уступаетъ свое мѣсто многочисленной толпѣ веселыхъ гистрионовъ, мимовъ, іокуляторовъ, пѣвцовъ, плясунновъ, комедіантовъ — съ ихъ вульгарными, безцеремонными шутками, маскарадами, кукольными сценами. Съ VII—VIII вѣка многочисленныя ватаги этихъ странствующихъ увеселителей появляются во всѣхъ городахъ

¹⁾ Пьесы собр. П. В. Киртеевскимъ, вып. V, стр. 54—60. Веселовскій: Стар. театр., 305—306.

²⁾ Веселовскій: Стар. театр., 305.